Литература

1. *Ricl M.* 2009: Legal and social status of *threptoi* and Related Categories in Narrative and Documentary Sources // From Hellenism to Islam: Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East / H.M. Cotton, R.G. Hoyland, J.J. Price, D.J. Wasserstein (eds.). Cambr.
2. *Scott J.C.* 2009: The Art of not Being Governed. New Haven–London.
3. *Waelkens M.* 1986: Die Kleinasiatische Türsteine. Typologische und epigrafische Untersuchungen der kleinasiatischen Grabreliefs mit Scheintür. Mainz am Rhein.

Evgeniia N. Andreeva
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
aenik@yandex.ru

Е.Н. Андреева,
Институт всеобщей истории РАН

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 4, с. 263–268

Z. VARHELYI. The Religion of Senators in the Roman Empire: Power and the Beyond. Cambridge–New York, 2010. XII, 267 p.

Хорошо известно, что римская история характеризуется активной общественно-политической ролью самоорганизующегося истеблишмента. Нобилитет стал здесь не только воплощением римской консервативности, но и социальной базой инновационных тенденций в общественной и культурной жизни. Соответственно, определяющая роль в эволюции политического облика римского государства – той эволюции, которая привела к трансформации республики в империю, – именно знати, кажется, не вызывает сомнений. Вместе с тем, хотя изучение места нобилитета в политической системе Поздней республики – Ранней империи имеет давние традиции¹, роль и место религии в процессе выработки senatorской знатью своей коллективной идентичности до недавнего времени не были предметом специального исследования. Заполнить данный пробел призвана монография Жужанны Вархейи. Среди своих наставников автор, защитившая в 2002 г. диссертацию в Колумбийском университете, называет ряд известных антиковедов, в том числе У. Харриса и Г. Альфёльди (с. IX). Она преподавала в Венгрии, в Германии, в настоящее время работает в США, в Бостонском университете. Как заявляет Ж. Вархейи в самом начале своей работы, в ее книге «выясняется связь между политической и религиозной властью в языческой Римской империи через изучение senatorской религии» (с. I). Интересно, что предмет своего исследования – «senatorская религия» – автор нигде специально не поясняет, таким образом предлагая читателю самому разобраться в этом вопросе, исходя из общего контекста ее рассуждений.

Рецензируемая монография состоит из введения, шести глав, заключения, приложения, библиографии, указателя имен и общего указателя.

Сразу отметим, что монография Ж. Вархейи, в соответствии с традициями западных диссертационных работ, не содержит ни специального историографического раздела, ни структурно выделенного обзора источников.

В самом начале введения автор определяет задачу своего исследования, а также его хронологические рамки: «В этой книге я исследую связь между властью и религией в Римской империи посредством анализа религиозной деятельности и взглядов римского императорского сената, а также отдельных сенаторов в первые два с половиной столетия существования Римской империи, от эпохи Августа и до гибели Александра Севера» (с. 1). Здесь же автор сообщает о своей концептуальной установке, согласно которой религия в императорском Риме стала играть новую роль в отношениях между главой государства и сенатом, вследствие чего само понятие власти подверглось трансформации (с. 3).

Механизмы взаимодействия политической и религиозной сфер римской жизни, правда, на примере республиканских реалий, не так давно были изучены А.М. Сморгочковым². Что же касается со-

¹ См., например, Gelzer 1969, XII.

² Сморгочков 2012.

единения политической и религиозной власти именно в эпоху Империи, то эта точка зрения высказывалась не раз. Более оригинальным является суждение Ж. Вархейи о том, что прочное соединение политической власти и религии в Ранней империи делает проблематичным разграничение этих сфер, в отличие от периода, начавшегося с середины III в., когда сенатор Рогациан заявил об отказе занять магистратуру ввиду несовместимости занятия этой должности с его религиозно-философскими взглядами (с. 4–5).

Прокламированная автором методика исследования основывается на концепции М. Вебера. В частности, Вархейи особенно останавливается на позиции Вебера, состоящей в том, что религиозность элит может быть не меньшей, чем у страдающего от неустroенности простонародья, так как элиты заинтересованы в придании легитимности и освящении своей власти (с. 7). Оспаривая мнение Э. Флайга, будто сенат в Римской империи был неэффективным институтом, которому к тому же противостояли отдельные сенаторы из числа императорского окружения³, Вархейи утверждает, что сенат играл важную роль в обеспечении императорской власти (с. 11–12). «Сенаторская религия, представленная в этой книге, содействовала установлению нового общественного порядка, но была в состоянии изменить его и даже бросить ему вызов», – пишет автор (с. 15).

Более конкретно говорится об источниках и методике их анализа. В частности, Вархейи пишет, что ее исследование больше базируется не на данных «литературных источников», а на сведениях, полученных путем анализа эпиграфических и вещественных памятников. Автор декларирует просопографический метод как путь познания общего через единичное и заявляет, что опирается на методический опыт Р. Сайма, В. Эка и Дж. Шайда (с. 8–9).

В главе I «Новый сенат Империи и религия» Ж. Вархейи доказывает, что новые сенаторы, главным образом из рядов провинциальной знати, отнюдь не были инициаторами религиозных новаций, так как такое инициирование противоречило бы сенаторской идентичности, к которой стремились новые сенаторы. Автор справедливо, на наш взгляд, замечает, что вопрос о сенаторской идентичности смыкается с вопросом о той роли, которую сенат начинает играть в связи с притоком новых членов. Разумеется, Вархейи здесь не является первооткрывателем: проблема «влияния» этих новых сенаторов живо обсуждалась между К. Хопкинсом и группой ученых, включающей Г. Альфельди, Й. Хана и П. Лейниссен⁴. И в то время как Хопкинс на основании высокой «социальной мобильности сенаторов» (пополнявших сенат, занимавших должности, в том числе жреческие) делает вывод, что это было проявлением «слабой идентичности»⁵, Альфельди, напротив, приходит к заключению, что такая высокая подвижность в занятии должностей свидетельствовала о «сильной идентичности» сенаторов, так как частая смена на должностях обеспечивала прохождение *cursus honorum* большей части сенаторской аристократии, чем это было в республиканский период⁶. Хан и Лейниссен, подерживая Альфельди, выразили эту мысль: «Главный аргумент против гипотезы о “политическом изъятии” [сенаторов имперского периода] как широко распространенном социальном явлении должен быть выведен из значимости коллективных социальных норм у римлян»⁷. Очевидно, что Вархейи придерживается такой же точки зрения.

Автор задается вопросом, что было эффектом социальной мобильности сенаторов применительно к религии. И здесь Ж. Вархейи присоединяется к мнению Дж. Норга, М. Бирд и С. Прайса, которые считали, что римская религия – это своего рода «рынок», на котором отдельные личности с относительной свободой выбирали между культурами⁸. При этом автор обращает внимание на то, что в эпоху Империи ранг лица весьма влиял на его религиозный выбор. В связи с этим поднимается вопрос о том, в какой мере провинциальные сенаторы были готовы к смене религиозных предпочтений. Вархейи критически оценивает мнение Ж. Божё, предполагавшего, что именно сенаторы-провинциалы принесли во II в. в Рим новые культы – Юпитера Долихена и Митры (с. 29). Исключения были чаще всего связаны с «военным контекстом», т.е. когда новые культы находили поддержку (посредством дедикаций) в религиозной жизни военного лагеря (с. 33).

В последнем разделе I главы («Новый сенат как корпорация, обладающая религиозным авторитетом») автор останавливается на «культурной составляющей» сенаторской идентичности. В том, как Тацит описывает реакцию сената на речь Гая Цестия об ограничении права на убежище для преступников (Ann. III. 36), данный орган предстает претендующим на «трансцендентальную справедливость» (*transcendental righteousness*). Как утверждает Вархейи, почти во всех случаях, когда в сенате

³ Flaig 1992.

⁴ Hahn, Leunissen 1990.

⁵ Hopkins, Burton 1983, 196.

⁶ Alföldy 1977, 128.

⁷ Hahn, Leunissen 1990, 79.

⁸ North 1992; Beard, North, Price 1998.

поднимались религиозные вопросы, его члены выступают вполне консолидированно (с. 50). Иными словами, религиозный авторитет был элементом «корпоративной идентичности сената» (с. 51). Автор даже противопоставляет возросшую солидарность сената тому «религиозному соперничеству» в среде знати, которое наблюдалось в период Поздней республики (с. 55). Эта сплоченность имперского сената как органа, обладавшего религиозным авторитетом, позволяла сенаторам противостоять тирании «плохих императоров» посредством процедуры *damnatio memoriae*. Впрочем, эта мысль ранее высказывалась Ж. Ле Гоффом⁹.

Глава II «Религиозные группы в сенаторской среде» посвящена анализу такой малоизученной проблемы, как зависимость занятия сенаторами государственных должностей от принадлежности к той или иной религиозной группе. Прежде всего автор обращает внимание на то, что сенаторы явно стремились к занятию не только «светских» магистратур, но и жреческих должностей. Между тем, согласно Плинию Младшему (Ер. IV. 8. 1), именно от императора зависело назначение сенатора на жреческую должность, не говоря уже о предоставлении ему магистратуры. Однако Вархейи справедливо замечает, что нельзя не принимать в расчет самостоятельность сенаторских коллегий жрецов, которая была обусловлена процедурой подбора кандидатов членами данной коллегии (с. 58). Интерпретируя пассаж Сенеки (*De ira*. III. 31. 2), автор предполагает, что занятие сенатором в итоге места среди членов одной-двух жреческих коллегий было признаком прохождения им всего *cursus honorum* (с. 59).

В свое время В. Эк заметил, что сенаторы уже в начале своей карьеры могли быть членами весьма престижной коллегии арвальских братьев¹⁰. И Вархейи, вероятно, права, когда пишет, что «попытка установить причинные отношения между занятием жреческих и светских должностей в сенаторских карьерах, кажется, не самая достижимая цель исследования» (с. 60). Тем не менее есть несколько примеров, вроде бы позволяющих развеять эти сомнения, а именно, когда сенаторы в ходе своей карьеры занимают сначала невысокие, а потом все более значимые жреческие должности (с. 60). Если причинную связь между занятием жреческих и светских должностей установить трудно, то имеет смысл попытаться выяснить, какие факторы, помимо императорской милости, могли повлиять на занятие сенаторами жреческих должностей. В частности, автор ссылается на наблюдение Дж. Шайда, который установил, что в среднем половина членов высших жреческих коллегий были патрициями (с. 63).

Соотношение между консулярским и жреческим статусами – это менее обсуждаемая в науке связь, чем связь патрициат – жречество, тем не менее в нем заметно более четкое соответствие между магистратским и жреческим статусами. Проведя кропотливую работу, Ж. Вархейи установила, что процент консуляров среди членов высших жреческих коллегий мог достигать 88% (с. 64).

Далее в той же II главе разбирается вопрос об «индивидуальном и общественном в сенаторском жречестве». По мнению Вархейи, суть собраний сенаторов – членов жреческих коллегий не в укреплении связей между аристократическими семьями, а путь, которым пользовались отдельные сенаторы для того, чтобы получить возможность личного общения с императором. Однако далее автор противоречит себе: в частности, обращает внимание на то, что императоры редко бывали на собраниях жреческих коллегий, особенно после завершения эпохи Юлиев–Клавдиев (с. 69).

Анализирует Вархейи и примеры «неофициального формирования религиозной группы» в среде сенаторов и выбирает именно случаи участия сенаторов в посещении больных представителей сенаторской знати, в молитвах и обетах о выздоровлении. Как отмечает автор, лечение имело признаки религиозного действия – врачи провозглашали, что их деятельность находится под покровительством Асклепия. При этом и пациент, вместе со своим семейством и друзьями, был обязан молиться богам ради исцеления (с. 82). В связи с этим вполне убедительными выглядят выводы Вархейи как об особом интересе римской знати данного периода к медицинским знаниям (с. 80), так и об аристократическом характере культа Асклепия в указанный период (с. 82–83). Пишет автор и о том, что со II в. в римском обществе наблюдается рост «религиозного беспокойства относительно здоровья», что «в конечном счете привело к росту иррациональных религиозных интересов». Жаль, что в книге данное явление никак не объясняется (с. 88).

Глава III «Динамика сенаторской религии в Риме и Италии» посвящена изучению региональных условий, в которых функционировала «сенаторская религия». В городе Риме сенаторы-жрецы выступали в качестве общего фона к исключительной роли императора, что подчеркивает общинный (*communal*) характер религиозных ролей сенаторов (с. 94). Более частный характер, по мнению автора, религия сенаторов имела в Италии вне Рима. Если сенаторы в Италии часто делали посвящения местным малозначительным божествам, то это обусловлено тем, что храмы и святилища этих

⁹ Ле Гофф, 2013, 98.

¹⁰ Eck 1970, 32–37.

божеств располагались на землях сенаторов (с. 108). Вархейи также обращает внимание на то, что с конца II в. в Италии особенно много обнаруживается посвящений Юпитеру Наилучшему Величайшему, оставленных представителями нобилитета. Частое обращение к Юпитеру здесь тем более удивительно, что посвящений императорам (как живым, так и умершим) в Италии этого времени обнаруживается намного меньше (с. 112–113).

Глава IV «Репрезентация имперской религии: провинции» посвящена изучению характера религиозной деятельности представителей сенаторской знати за пределами Италии. В основном в данной главе разбираются свидетельства о сакральных аспектах деятельности промагистратов. Сенаторы, как справедливо отмечает автор, и в провинциях не были вполне свободны от ограничивающих их действия религиозных практик: во-первых, здесь (в провинциях) уже существовали свои традиции религиозной жизни; во-вторых, сложилась и общая имперская практика, которой наместник должен был соответствовать (с. 122). Пишет Вархейи и о роли наместника в провинциальных торжествах, особенно в честь императора (с. 127). Отметим мнение В. Эка, который считает, что участие, хотя бы косвенное, промагистратов в императорском культе было едва ли не главной их религиозной обязанностью в провинции¹¹.

Известное место отводится в книге изучению полномочий «официальных лиц сенаторского ранга» в религиозной жизни римского войска. Автор пишет, что командиры высшего ранга в качестве организаторов религиозной жизни солдат делали упор на почитание главных божеств римского пантеона, хотя могли быть инициаторами и продвижения «новых культов» в лагере (с. 136). Довольно подробно рассматривает Вархейи поддержание командирами сенаторского ранга культа Митры, объясняя эту практику популярностью данного божества в римской армии II в. Автор отмечает, что имеется слишком мало оснований для того, чтобы полагать, что изменения в религиозной жизни войска были обусловлены инициативой командиров. Роль командиров как раз состояла здесь в том, чтобы продвигать тот культ, который был наиболее популярен у солдат (с. 147).

Глава V «На пути к “теологии” римской религии» посвящена вопросу об идейных основах религиозных воззрений сенаторской знати. Хотя Ж. Вархейи и сама явно осознает сложность поставленной задачи, не лишним будет привести здесь мнение К. Хопкинса, более категоричного по части сомнений в постижимости римской «теологии». Хопкинс, в частности, определяет насыщенность противоречивыми религиозными идеями как одну из наиболее очевидных характеристик римской религии, противопоставляя присущий ей идейный плюрализм «фиктивному единству христианства»¹². Тем не менее, по мнению автора рецензируемой книги, возможность проследить направление исканий в рамках «римской теологической дискуссии» все-таки существует. Как известно, эти искания шли в контексте греческой концепции трех пониманий религии – поэтов, философов, законодателей. По мнению же Вархейи, в период принципата Августа поэзия и «поэтическое использование мифа» начали играть главную роль в «изменении религиозной традиции». Действительно, пример «Энеиды», ее не только пропагандистское, но и религиозное значение, достаточно показательны¹³. Принимая тезис П. Цанкера о том, что миф здесь был оформлен в диалоге власти с обществом¹⁴, автор полагает, что сенаторы играли определенную роль в формировании мифов своего времени (с. 155). Однако заметим, что имеется и альтернативная точка зрения, высказанная Р. Саймом, которая состоит в том, что с началом империи сенаторы находились в вопросах понимания мифа в некоторой оппозиции по отношению к императорской власти¹⁵.

Далее Ж. Вархейи пишет: «В отличие от мифа, который оставался видимым компонентом сенаторской жизни, другие сферы религиозного знания оставались под более интенсивным императорским контролем» (с. 159). И здесь же приводит довольно многочисленные случаи политически мотивированных обвинений представителей знати в магии (с. 159). Зато гораздо меньше контролировался со стороны императоров модный в среде нобилитета философский подход к религии (с. 163). Вархейи пишет: «Философская претензия на истину (claim for truth. – С. Т.) в делах религии была не менее древней, чем сама греческая философия. И теперь эта заявка в среде имперской элиты стала вновь актуальной» (с. 163). Уже во II в. главная, по мнению автора, идея здесь состояла в философски аргументированной справедливости высшего божества и невозможности его негативной трактовки (с. 164). Автор полагает, что в это время моральные аспекты религии все более формируют самосознание элиты (с. 166).

¹¹ Eck 1984, 157.

¹² Hopkins 1999, 2.

¹³ См. Tarrant 1977.

¹⁴ Zanker 1988, 100, 295, 338.

¹⁵ Syme 1939, 490–508.

В следующем разделе V главы («Теология» на практике: поминовение усопших») автор сосредотачивается на таком «важном средстве самовыражения элиты», как погребальный обряд. По ее мнению, все большее увлечение философией в среде знати вело и к изменению отношения к сакральной составляющей погребального обряда. Приведа мнение Сенеки, который, оспаривая сакральное значение погребальных масок, принятых у знати, говорит о большей ценности достойной жизни и достойной смерти, в том числе путем самоубийства (Ер. 44. 5), Вархейи замечает: «Переосмысление суицида было бесспорным отходом от традиционной религии» (с. 171).

Интересно, что лишь к концу этой главы автор задается вопросом: «Но есть ли в этих ритуалах, поминовениях и философских рассуждениях, сопровождавших римскую смерть, элемент трансцендентального?» (с. 179) Исследовательница пытается найти признаки изменения представлений о загробной жизни. С этой целью Вархейи анализирует изображения на саркофагах представителей римской знати, но приходит лишь к неновому выводу о том, что эти изображения отражают не представления о загробной жизни, а жизненный путь усопшего (с. 181).

В главе VI «Иновации и стремления» автор обращается к изучению тех религиозных проявлений в сенаторской среде, которые выходили за рамки общепринятого. Одним из религиозных новшеств императорского времени было поклонение гению здравствующего главы государства. Отношение сенаторов к этому нововведению автор разбирает в качестве наглядного примера участия сенаторской знати в «конструировании имперской религии» (с. 186). Как известно, впервые культ гения императора фиксируется для времени Нерона (CIL. VI. 2037), хотя есть данные, что он существовал уже при Клавдии¹⁶. Как замечает автор, поклонение гению императора было «деликатным делом» (с. 187). Ж. Вархейи приводит достаточно убедительные аргументы в пользу того, что культ гения императора идейно связан с почитанием *pater familias*, в качестве которого по отношению к государству выступал император. С другой стороны, автор выражает сомнение в наличии здесь прямой зависимости, так как Веспасиан и Тит, хотя не поощряли поклонение своему гению, но от титула *pater patriae* не отказались (с. 188).

В следующем разделе VI главы обосновывается тезис, что «многие сенаторы получали нечто подобное божественным почестям, но посмертно» (с. 193). Автор вслед за Р. Дункан-Джонсом¹⁷ замечает, что празднование дня рождения умершего сенатора имеет сходство с празднованием курировавшегося августалами дня рождения умершего и обожествленного императора (с. 195). Причем указанием на тенденцию к организации погребального культа того или иного сенатора Вархейи считает использование на погребальных памятниках изображений курульного кресла и фасций (с. 197–198).

Обращает внимание автор и на практику восстановления доброго имени (*memoria*) несправедливо обвиненного (и казненного) сенатора, что делалось посредством *senatus consultum*. Восстановление доброго имени сенатора не следует расценивать как противодействие императорской власти. Напротив, таким образом «добрый» император восстанавливал справедливость после смерти «плохого» императора. Причем, по мнению Вархейи, «посмертное восстановление памяти должно быть понято как инновационное религиозное явление» (с. 200).

В последней части VI главы («Pro salute сенаторов») автор говорит о том, что формула «pro salute», часто фиксируемая в эпиграфических источниках в отношении императоров, употреблялась, хотя и не столь часто, и в отношении сенаторов (с. 201–202). Ранним примером такого рода служит надпись 68 г., которая была посвящена Юпитеру *pro salute et victoria* Л. Вергиния Руфа его вилликом (CIL. V. 5702). Далее такие посвящения встречаются повсюду, особенно на Востоке, кроме самого Рима (но не Италии) (с. 204).

В Заключении, имеющем уточняющий подзаголовок «Two saecular games», Ж. Вархейи в качестве показателя произошедших в «сенаторской религии» перемен сопоставляет Секулярные игры 17 г. до н.э. и 204 г. н.э. Причем для автора важно отличие религиозной жизни всего этого периода как от предшествующего, так и от последующего, позднейшего. Начавшись с искусственно воссозданных ритуалов (специально для игр, объявленных Августом), это единство периода реализовалось через повторение тех же ритуалов на играх, устроенных более чем через два столетия Септимием Севером. Ритуальные и церемониальные новшества, впервые введенные на играх 17 г. до н.э., имели, по мнению Вархейи, «маскарадные» черты, проявившиеся в имитации древних культовых практик (с. 213). Имперский сенат, что следует из контекста авторских рассуждений, не был столь уж привержен реальным республиканским традициям: «То, что сенаторы играли важную роль в формировании и развитии религиозных новшеств... лучше всего доказывается их постоянным участием в религиозных новшествах» (с. 213). Автор заключает: «Сенат... в известной мере ассоциировался с его традиционными претензиями на религиозный авторитет, продолжавший сохраняться параллельно

¹⁶ Gradel 2002, 162–167.

¹⁷ Duncan-Jones 1982, 285–286.

с трансформацией римской религии, причем таким способом, который заставляет думать, что религия продолжала играть динамическую роль в символических и образных выражениях религиозной жизни сенаторов на протяжении всего нашего периода» (с. 214). Таким образом, Вархей побуждает нас принять ее вывод об обусловленности религиозной жизни нобилитета его активным участием в конструировании императорской власти, причем в связке с последней.

В заключение отметим, что добротное исследование Ж. Вархей в значительной степени основано на работе с эпиграфическим материалом, результаты которой нашли отражение и в приложениях – сводке просопографических данных по рассматриваемой теме. Собственно говоря, сама монография представляет собой по большей части анализ материала, отраженного этим перечнем имен (с. 215–225).

Безусловно, автор проделал большую работу. Книга дает наглядное представление о религиозной жизни истеблишмента ранней Римской империи. Однако эта картина грешит неполнотой, а монография в целом оставляет ощущение собранных под одной обложкой серии очерков. Ж. Вархей часто противоречит себе, не всегда справляясь с анализом разнородного материала, а логические нестыковки в своих рассуждениях затушевывает главным образом с помощью риторических приемов. Противоречия встречаются даже на уровне выводов: на с. 102 Вархей пишет, что на протяжении целого столетия после Тиберия индивидуальных посвящений от сенаторов императорам мало, а на с. 132 уже приходит к мнению, что во времена Веспасиана таких посвящений было сделано много. Имеются и фактические ошибки: на с. 74, говоря о Пертинаксе, автор явно подразумевает Коммода. И все же недоработки авторского текста не отменяют того факта, что книга являет собой многообещающую попытку изучения по сути новой и весьма важной для понимания становления Римской империи темы.

Литература

1. *Ле Гофф Ж.* 2013: История и память. М.
2. *Сморчков А.М.* 2012: Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.
3. *Alföldy G.* 1977: Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Führungsschicht. Bonn.
4. *Beard M., North J., Price S.* 1998: Religions of Rome. Vol. I–II. Cambr.
5. *Duncan-Jones R.* 1982: The Economy of the Roman Empire: Quantitative Studies. 2 ed. Cambr.–N.Y.
6. *Eck W.* 1970: Senatoren von Vespasian bis Hadrian. München.
7. *Eck W.* 1984: Senatorial Self-representation: Developments in the Augustan Period // Caesar Augustus. Seven Aspects. Oxf., 129–168.
8. *Flaig E.* 1992: Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im römischen Reich. Frankfurt am Main–New York.
9. *Gelzer M.* 1969: The Roman Nobility. Oxf.
10. *Gradel I.* 2002: Emperor Worship and Roman Religion. Oxf.–N.Y.
11. *Hahn J., Leunissen P.M.M.* 1990: Statistical Method and Inheritance of the Consulate under the Early Roman Empire // Phoenix. 44, 60–81.
12. *Hopkins K.* 1999: A World Full of Gods. Pagans, Jews and Christians in the Roman Empire. L.
13. *Hopkins K., Burton G.* 1983: Death and Renewal: Sociological Studies in Roman History. Vol. II. Cambr.–N.Y.
14. *North J.A.* 1992: The Development of Religious Pluralism // The Jews among Pagans and Christians in the Roman Empire. L.–N.Y., 174–193.
15. *Syme R.* 1939: The Roman Revolution. Oxf.
16. *Tarrant S.J.* 1997: Poetry and Power // The Cambridge Companion to Virgil. Cambr.–N.Y., 169–187.
17. *Zanker P.* 1988: The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor.

Sergey V. Telepen,
Mozyr' State Pedagogical University
named after I.P. Shamyakin,
Mozyr', Belarus
telepen_serg@mail.ru

С.В. Телень,
кандидат исторических наук,
Мозырский государственный педагогический универ-
ситет им. И.П. Шамякина